

ПЛОХИШ

СТАВКА НА ЛЮБОВЬ

Анастасия
Градцева

Анастасия Градцева

Плохиш. Ставка на любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71948485

SelfPub; 2025

Аннотация

К нам в класс перед самым выпускным вдруг переводится Бессонов – звезда молодежной футбольной сборной, который давно уехал из нашего городка. Он все ставит с ног на голову, девчонки от него без ума, парни фанатеют и готовы сделать все, что он скажет, и только я сохраняю холодный рассудок. Но почему-то именно ко мне этот Бессонов цепляется больше всего!

– Мне кажется, или ты меня сейчас назвала тупым? – опасно прищуривается Бессонов.

А что, он думает, если он известный футболист, то все должны преклоняться перед ним?

Другие – может быть. Но не я.

– Удары по голове бесследно не проходят, – сообщаю я, – а теперь подумай, сколько раз тебе мячом прилетало. Даже если там и были какие-то мозги, они...

Я не успеваю договорить, потому что Бессонов резко делает шаг и прижимает меня к стене.

– Отпусти! – вскрикиваю я.

– Какая же ты до мерзости правильная, – с ухмылкой тянет Бессонов. – Так и хочется тебя испортить.

И вдруг впечатывается в меня жарким унижительным поцелуем.

Содержание

Глава 1. Первая встреча	5
Глава 2. В классе	13
Глава 3. Математика	23
Глава 4. Провокация	32
Глава 5. Без верха	42
Глава 6. Несправедливость	52
Глава 7. Без логики	61
Глава 8. Утро	72
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Анастасия Градцева

Плохиш. Ставка на любовь

Глава 1. Первая встреча

– Фига себе, а это что? – рослый темноволосый парень, прищурившись, смотрит на турникет, который перегораживает вход в нашу школу. – Типа в эту шарагу могут еще и не пустить?

– Нужно приложить пропуск, если вы учитель или ученик, – вежливо объясняю я, оглядывая его настороженным взглядом. – И вообще-то первый урок уже давно начался.

Этого парня я точно ни разу не видела в нашей школе: такого просто невозможно не запомнить. Он высокий, широкоплечий, статный, вся его фигура будто излучает наглость и уверенность, а еще он вызывающе, до неприличия красив. Темные кольца волос, небрежно падающие на лоб, острые скулы, четко очерченные губы и хищный взгляд черных глаз, под которым я непроизвольно краснею.

На лице этого парня появляется самоуверенная ухмылка, а я вдруг хмурюсь.

Кто он такой? И что ему надо?

Новенький, может? Нет, в мае никто уже не переходит в другую школу.

Может, это студент какой-нибудь пришел на практику?

Да, похоже на то. Тогда кранты всему учебному процессу: наши девчонки ему просто проходу не дадут.

– Если вы к нам на практику, то покажите разрешение на вход с печатью директора, – строго говорю я. – Тогда я смогу вас впустить.

– Ты? – Он удивленно смотрит на меня, а потом неприлично ржет. – Ты что, типа охранник?

– Я дежурная по турникету, – строго отвечаю я, не поддаваясь на провокацию.

У нас уже два месяца не могут найти в школу нового охранника, взамен ушедшего в запой дяди Гены, поэтому с утра у входа дежурят двое одиннадцатиклассников и двое учителей. А когда звенит звонок, то учителя идут работать, а дежурные ученики еще стоят весь первый урок, впуская опоздавших.

На самом деле никого специально впускать не надо, потому что все проходят сами с помощью пропусков. Дежурный просто контролирует это, а еще иногда сам открывает турникет, если кто-то забыл пропуск дома.

Но с этим парнем я так делать не буду, я его первый раз в жизни вижу. И ничего хорошего в том, что он так активно пытается попасть в школу, точно нет.

– Вы здесь учитесь? – напряженно спрашиваю я, и внутри начинает дрожать что-то похожее на страх.

– А есть еще причины, по которым бы я сюда добровольно

приперся? – скалится он.

– Вы ученик этой школы? – повторяю я.

– Да! – вздыхает он и закатывает глаза. – Я тебе только что, блин, сказал. Проблемы со слухом, Блошка?

– Что?! – я вспыхиваю.

Сначала не понимаю, как этот хам узнал мою фамилию, потом вспоминаю, что у меня, как у каждого дежурного, на груди бейджик, на котором черным по белому написано, что я Александра Блохина, ученица 11А класса.

Да, может, у меня не самая благозвучная фамилия, но это не значит, что какой-то левый хам может позволить себе так ко мне обращаться!

– Выйдите отсюда! – повышаю я голос. – Немедленно!

– Щас, уже побежал, – фыркает он. – А пососаться тебе не завернуть, Блошка?

– Прекратите меня так называть! Я...я полицию сейчас вызову!

Я в панике оглядываюсь, но как назло в фойе никого нет. Обычно мы дежури́м по двое – мальчик и девочка – но Коля Рогов, который должен был стоять со мной сегодня, убежал исправлять свою двойку по физике. Я его отпустила, сказала, что сама справлюсь.

И вот теперь непонятно что делать.

– Если вы учитесь здесь, то скажите, в каком классе, – чуть дрогнувшим голосом говорю я и делаю шаг к пустующему пульту охранника, потому что под ним расположена тревож-

ная кнопка. Ее категорически запрещено нажимать, но ведь сейчас исключительная ситуация, правда?

– В каком классе? – Парень задумчиво прищуривается, а потом ухмыляется мне в лицо. – Понятия не имею!

– Тогда я вас не пущу, – храбро заявляю я и незаметно нажимаю кнопку.

А потом бегу к турникету и встаю перед этим парнем, который, кажется, уже примеривается, чтобы перепрыгнуть через него.

– Вау, какая грозная Блошка, – тянет он, оглядывая меня с ног до головы испытующим взглядом. – И чем будешь меня останавливать? Что там у тебя под пиджачком? Пушка спрятана? Или только сиськи?

– Что?! – Краска бросается мне в лицо. – Да как ты...

– Отойди и не мешайся под ногами, – вдруг мягко советует он. – Или открой эту фигню.

– Нет! – я упрямо выпячиваю подбородок и уговариваю себя не бояться.

Отделение полиции тут за углом, они быстро приедут, а мне надо просто закричать и позвать всех на помощь. Но почему-то я не могу этого сделать, это кажется неприличным, неправильным, и...

И в этот момент парень вдруг делает шаг ко мне и вжимает меня спиной в металлический столб турникета. Это так внезапно происходит, что я испуганно замираю и только чувствую непривычный жар чужого тела, которое оказалось так

пугающе близко к моему.

Но то, что происходит дальше, оказывается еще хуже!

Парень, пользуясь моим шоком, облапывает меня, проводя горячими широкими ладонями по груди и бокам.

— Ну вот, так и думал: пистолета у тебя нет, — весело скалится он, — Правда, сисек я тоже не нашел. Беспольный из тебя охранник, Блошка.

С этими словами он небрежно отодвигает меня в сторону и легко перемахивает через турникет, как будто у него в кроссовках спрятаны какие-то пружины. А потом посвистывая идет по коридору.

— Туда нельзя! — вскрикиваю я, едва оправившись от шока. Быстро прикладываю пропуск к красному кружочку, мчусь за ним и, не придумав ничего лучше, просто с разбегу врезаюсь ему в спину.

Парень каким-то непостижимым образом умудряется обернуться, схватить меня и даже устоять на ногах, и тут как раз распахиваются двери школы и вбегают двое полицейских с пистолетами.

— Всем стоять! — гаркают они, наставляя стволы на нас с этим парнем.

— Схватите его! — визжу я, все еще барахтаясь в его цепкой хватке. — Он пытается проникнуть! Незаконно! Он...

Но тут почему-то полицейские отпускают пистолеты и смотрят на этого парня восторженными глазами.

— Вот это да! — радостно говорит тот, что постарше. — Ка-

кие гости в нашу глухомань! Домой приехал, да? Одобряю, одобряю. А мы с моим пацаном все твои игры смотрим. Тот пенальти с ЦСКА был просто бомба!

– И уголовной во втором периоде, – присоединяется второй полицейский, влюбленно глядя на парня. – А можно автограф?

– И мне для сына, – поспешно присоединяется второй полицейский. А потом вдруг, словно вспомнив, хмурится и говорит: – Так, а вызов-то из-за чего был? Девчонка эта порядок нарушает?

– Можем закрыть ее, – предлагает второй, хищно поигрывая наручниками. – За хулиганство.

– Нет! Вы все перепутали! Это я кнопку нажала! – вскрикиваю я и наконец выдираюсь из цепких рук этого нахала. – Арестуйте его. Он пытался в школу проникнуть!

– Она что-то путает, я учусь здесь, – с улыбкой поясняет парень.

– Тааак... – хмурится полицейский постарше и оборачивается к своему коллеге. – Кажется, у нас тут ложный вызов. Оформляй штраф.

– Подождите, – теряюсь я. – Какой штраф? Но я... Он...
Раздаются какие-то крики, я поворачиваю голову и вижу: к нам на всех парах несется наш завуч Ирина Михайловна, вслед за ней ковыляет директор, тут же звенит звонок, школа начинает гудеть, как улей.

И посреди всей этой вакханалии стоит этот парень с са-

моуверенной улыбкой.

Он опять перепрыгивает через турникет и подходит к полицейским. Они достают ручку, он расписывается на одном листе, на втором, а я ничего не понимаю.

Кто он? Что вообще тут происходит?

– Максим! – вдруг радостно кричит наш директор, когда наконец прихрамывает поближе. – Максим Бессонов! Как мы тебе рады! Что ж ты не позвонил, мы бы тебя встретили!

Парень морщится и отмахивается:

– Да нафиг.

Бессонов?

Я ошарашенно замираю.

Я определенно знаю эту фамилию, ее в сентябре вписали в журнал нашего класса, но этот ученик ни разу на уроках не появлялся. Парни говорили, что он какой-то известный футболист, что он играет где-то в Москве, но я-то откуда знала?! Я ничего не понимаю в футболе!

Мне хочется плакать.

Какой ужас. Я староста класса, будущая золотая медалистка, я не могла так опозориться!

А еще мама с ума сойдет, если меня заставят платить штраф: мы совсем недавно отдали деньги за выпускной, и до конца месяца осталось всего три тысячи.

Смотрю с ненавистью в сторону того, из-за кого я так встряла, а парень – этот дурацкий Бессонов! – поворачивает голову и встречает мой взгляд. А потом ухмыляется и поче-

му-то подмигивает, как будто для него это все просто забавная игра.

Глава 2. В классе

– Самоуправство, вот что это! – повышает голос Ирина Михайловна. А затем чеканит по слогам. – И бе-зот-вет-ствен-ность!

Я стою в кабинете завуча, опустив голову, и сгораю от стыда. Меня в жизни не отчитывали в школе. Ни разу за все одиннадцать лет не было ни замечания, ни выговора, ни даже обычной двойки! А теперь я чувствую себя словно провинившийся преступник, хотя я ничего плохого не делала.

– Ты думаешь, это шутки, Блохина? – патетично спрашивает меня Ирина Михайловна. – Думаешь, вызвать полицию в школу – это так весело?! Ты оторвала людей от работы, поставила на уши всю школу, а все из-за того, что не узнала ученика своего же класса? Бедный мальчик только-только пришел к нам, и тут такой стресс.

«Этот «бедный мальчик» что-то совсем не выглядел несчастным, когда меня уводили в кабинет к завучу», – мрачно думаю я, не поднимая глаз. И с огромным трудом выдавливаю из себя:

– Простите.

– Прощаю, но только учитывая все твои прошлые заслуги, Александра, – торжественно говорит завуч, и вид у нее при этом такой, будто она мне как минимум помилование перед казнью дарует. – Только поэтому! Ступай на уроки и не за-

будь извиниться перед Максимом Бессоновым.

– А... штраф? – еле слышно спрашиваю я.

Ирина Михайловна выразительно вздыхает.

– Скажи спасибо Максиму: не будет штрафа. Полицейские согласились не регистрировать этот выезд, но только потому, что Максим дал им автографы, а еще разрешил сфотографироваться с собой. Так что не забудь его поблагодарить.

Не забудь извиниться, не забудь поблагодарить...

Что я еще должна сделать? В ноги ему поклониться? Руки целовать?

– Конечно, я поблагодарю, – через силу говорю я.

– Хорошо, иди, – милостиво кивает Ирина Михайловна, а потом вдруг спохватывается: – А нет, стой! Ты уже подала мне список тех, кто от вашего класса придет возлагать цветы Девятого мая?

– Подала неделю назад.

– На пробный экзамен пятого мая все у вас записались, кто хотел, ты объявляла?

– Да.

– Сама тоже идешь?

– Нет, не иду, – напряженно улыбаюсь я.

– А вот это ты зря, Блохина! – завуч грозит мне пальцем. – Не будь такой самоуверенной, даже отличникам нужна самопроверка!

Горло перехватывает от обиды и какой-то тотальной

несправедливости.

Я ведь не хожу на пробные экзамены не потому, что так уверена в своих знаниях. Просто это все платно, а с финансами у нас дома сложно. Мы с мамой с трудом наскребли денег мне на выпускной, а ведь надо будет еще платье на что-то покупать.

– Простите, там звонок уже был, – резко говорю я. – Можно идти?

– Иди, – милостиво отпускает меня Ирина Михайловна, и я торопливо выхожу из ее кабинета.

Бегу на второй этаж, где у нас по расписанию должна быть география. Но судя по шуму, который доносится из-за двери, Ольги Ивановны сегодня опять нет и целый урок мы предоставлены сами себе.

Я делаю глубокий вдох и открываю дверь. Сначала там на секунду все замирают, а потом радостно орут:

– Не, это не Ольга! Это староста!

– Сашка, заходи! – кричит мне моя подруга Настя, а потом громко и кокетливо вскрикивает: – Ой, Максим, щекотно!

Я нахожу ее взглядом и застываю от шока.

Возле Насти стоит ухмыляющийся Бессонов и черным маркером выводит на ней свой автограф. Прямо на ее декольте. У Насти и так всегда довольно откровенные вырезы, а тут она еще как будто опустила свою кофточку ниже, и выглядит так, будто ей на голой груди расписываются.

Какой. Кошмар.

– Готово! – довольно заявляет Бессонов и выпрямляется. – Кто следующий, девчонки?

Его наглый взгляд останавливается на мне.

– Блошка? Может, ты хочешь?

– Блошка? Ахххха! Вот это ржач! Бес, вот это ты придумал! – заливается дебильным смехом Коля Рогов, которого я сегодня отпустила двойку исправлять. – Блин, Блохина, и правда, а почему мы тебя так никогда не называли?

«Потому что я староста, потому что я выполняю за вас кучу грязной работы и потому что благодаря мне вы все заканчиваете школу с нормальными оценками», – зло думаю я.

– Так что, Блошка? – снова с широкой улыбкой спрашивает Бессонов, поигрывая маркером. – Как насчет автографа на сиськах? А, стоп, у тебя же их нет. Сорри, предложение отменяется.

Краска бросается мне в лицо. И я уже набираю воздуха, чтобы послать этого идиота куда подальше, но тут происходит то, к чему я была не готова. Наш класс ржет.

Ржет над этой тупой шуткой.

Над унижительной тупой шуткой про меня.

Не смеются, наверное, только Настя и Аля – еще одна моя подруга. Но остальных, кажется, ничего не смущает.

– Очень смешно, – ледяным тоном говорю я, когда смех утихает.

– Да ладно тебе, Блошка, весело же, – ухмыляется с первой парты Никита Коломазов. – А правда, что ты к Бесу мен-

тов вызвала?

– Понятия не имею, кто такой Бес, – холодно отвечаю я и иду к своему месту.

– Бес – это я, – насмешливо поясняет Бессонов. – Меня так парни в команде называют. Ну я решил, что моим одноклассникам тоже можно. Мы же тут все свои, да, пацаны?

Парни оглушительно свистят и орут, но их тут же перебивает визг девчонок.

– Эй, а почему только пацаны?! А мы? Нам нельзя что ли? Бессонов обаятельно улыбается им, в черных глазах прыгают дьяволята.

– Вы такие красотки, что вам можно все!

– Бееееес! – влюбленно выдыхает сидящая на соседнем ряду Настя, и только Аля недовольно хмурится. Я с ней солидарна.

Меня не было всего минут двадцать. Как за такое короткое время этот придурок успел со всеми подружиться, причем так, что они ему буквально в рот заглядывают?!

– Кстати, о ментах, – вдруг говорит Бессонов и снова смотрит в мою сторону, небрежно ухмыляясь. – Не хочешь извиниться, Блошка?

Я хотела.

Я даже обещала это завучу.

Но, во-первых, я планировала это сделать один на один, а не перед всем классом.

А во-вторых, меня до алой пелены перед глазами выбе-

шивает его тон.

И поэтому...

– Не хочу, – громко и уверенно отвечаю я. – Ты сам во всем виноват.

– Как интересно, – издевательски тянет Бессонов и прищуривает темные, почти черные глаза. – И в чем же это я виноват, Блошка? В том, что пришел поучиться? Не знал, что это преступление.

Пацаны опять угодливо ржут, и это меня злит гораздо больше, чем я ожидала.

Оказывается, я была уверена, что меня пусть и не любят в классе, но как минимум уважают.

Но стоило прийти этому зазвездившемуся придурку, как я мигом слетела в их иерархии на самый низ. И поэтому я отвечаю Бессонову резко. Гораздо резче, чем собиралась.

– Ты стоял там и нес всякую чушь вместо того, чтобы нормально сказать, кто ты такой и зачем пришел, – зло выплевываю я. – Что, корона бы свалилась, если бы нормально все объяснил?

По классу проносится удивленный вздох.

– А что, Блошка, – опасно прищуривается Бессонов, – боишься, что твоя собственная корона в опасности? Первый раз вижу столько самомнения на пустом месте.

– Единственное пустое место тут – это ты! – не выдерживаю я.

И тут вдруг ко мне яростно оборачивается Андрей Уточ-

кин – наш второй золотой медалист и круглый отличник. Его глаза фанатично сверкают из-за очков.

– Блохина, ты кукухой поехала что ли? – агрессивно спрашивает он. – Ты что несешь? Ты хоть понимаешь, кто ты, а кто ОН! Он звезда! Бессонова в прошлом сезоне признали лучшим нападающим в юношеской лиге, он вошел в топ сто самых перспективных молодых игроков во всем мире!

От неожиданности я даже не нахожусь, что ответить. Честно говоря, я совсем не думала, что Уточкин фанатеет по футболу и что в этом противостоянии он окажется не на моей стороне. Мне казалось, он кроме учебы ничем не интересуется.

– Ого, – присвистывает Бессонов. – А ты сечешь, чувак!

Андрей краснеет неровными пятнами и бросает на него восхищённый взгляд. Потом снова поворачивается ко мне и высокомерно добавляет:

– Да ты видела вообще, какая у него голевая статистика?!

– Я вижу только то, что он полный придурок, – сухо говорю я. – А еще я вижу, что ему очень нравится, как вы все его нахваливаете. Но напрашивается вопрос, что ваш знаменитый футболист делает в нашей школе, если он такой крутой? В Москве учебные заведения закончились?

– Да так, захотелось вернуться на родину, – ухмыляется Бессонов. – У меня все равно нет особо дел до старта премьер-лиги, так че бы и школу пока не закончить?

– А ты в Динамо будешь с нового сезона, да? – благого-

вейно спрашивает Рогов.

– Нет, он с Zenитом договор подписывал, – вмешивается Уточкин. – Так в интернете писали.

– А я слышал, что с Рубином, – возражает еще кто-то.

– Ну где-то буду играть, ага, – смеется Бессонов. – На улице точно не останусь.

– А не скажешь где?

– Ну пожалуйста!

– Мы реально больше никому!

Одноклассники толпятся вокруг этого идиота, а он смотрит на них со снисходительной улыбкой, как будто привык к тому, что он центр этого мира.

Я замечаю в этой толпе свою Настю, и сердце неприятно сжимается. Трудно ее винить, конечно, моя подружка всегда была влюбчивой, а этот гад очень привлекательно выглядит, но все же...

– Тебе выговор сделали? – тихо спрашивает сидящая рядом со мной Аля. Кажется, она одна не поддалась обаянию Бессонова.

– Ну так, поругали немного, – со вздохом отвечаю я, стараясь не смотреть, как Бессонов задирает рукав футболки, давая девчонкам потрогать его татуировку в виде футбольного мяча. – А он что, правда из нашего города?

– Да, – шелестит Аля. У нее едва слышный голос, и поэтому она ненавидит отвечать устно, особенно у доски. И вообще не любит привлекать к себе внимание. – В прошлом го-

ду в центре даже рекламный щит с его лицом стоял. Ты не видела?

– Я в центре редко бываю, – отвечаю я и против воли опять смотрю на Бессонова. И теперь что-то в его лице кажется мне знакомым. Может, и правда я где-то этот плакат видела?

Впрочем, неважно.

Это все равно никак не влияет на то, что я считаю Бессонова самовлюбленным придурком, который взял и возглавил мой класс. Мой! В который я вложила столько сил и времени!

У нас лучшая успеваемость по всей школе, ни одного двоечника и второгодника, мы участвуем во всех мероприятиях, у меня благодарственными грамотами вся стена в комнате увешана, но хватило одного наглого тупого футболиста, чтобы всю эту систему поломать!

Вот не зря я никогда этот дурацкий футбол не любила.

Ладно, я уверена, что ребята скоро придут в себя. Сообразят, что экзамены на носу и что эта звезда им никак не поможет получить хороший аттестат.

– Так, народ, – вдруг раздается небрежный голос Бессонова, который легко перекрывает весь шум, – столовка у вас тут нормальная или дерьмище полное?

– Полное! – ржут пацаны.

– А где можно пожрать?

– Тут кафешка недалеко, там бургеры вкусные.

– Го туда! – объявляет Бессонов. – Я угощаю. Первый день

все-таки, надо проставиться.

– Ты всех что ли зовешь? – не верят ребята.

– Реально? – ахают девчонки.

– Реально, – смеется он, и я замечаю на его щеке ямочку.

И маленькое колечко в правом ухе.

Блин, зачем я вообще на него смотрю?

– Вау! Бес, ты крутой вообще! – шумят все. – Давайте в темпе двинем, пока алгебра не началась.

– Вы не успеете, – отрезаю я и встаю, чтобы меня было лучше видно. – До начала следующего урока двадцать семь минут, а нужно дойти, сделать заказ...

– Она у вас всегда такая душная? – громко перебивает меня Бессонов, оборачиваясь к ребятам.

– Всегда! – хохочут они. И только Настя, кажется, что-то пытается возразить, но ее голос тонет в общей массе.

– Так пойдем с нами, Блошка, – подмигивает мне Бессонов. – Старосте нельзя отрываться от класса.

Глава 3. Математика

– Саш, пойдем! – радостно восклицает Настя и машет мне рукой. – Ну давай!

– Тебе, Блошка, куплю двойную порцию, – с ухмылкой добавляет Бессонов. – А то ты тощая как фиг знает кто. Кожа и кости.

От такого неприкрытого хамства я теряюсь и даже не знаю, что ответить, поэтому просто огрызаюсь:

– Отстань от меня!

– Не раньше, чем ты извинишься, – с усмешкой напоминает Бессонов. – Давай, Блошка, признай, что нажала и выставила себя круглой дурой.

– Да пошел ты! – вспыхиваю я и отворачиваюсь.

– Вау, а отличникам разве можно так выражаться? – картинно округляет он глаза, и опять все смеются.

– Отличникам можно все, – отбиваю я удар.

– Ну так давай с нами, раз тебе все можно, – хмыкает Бессонов. – Или что, зассала опоздать на урок? Как ты так живешь вообще?

– Есть такое слово – «ответственность», – сухо говорю я. – Открой словарь и посмотри, что это значит. Ты явно не в курсе.

– Блошка, ты такая скучная, капец, – нарочито зевает он. – Как этот самый словарь. Нудная и душная, дышать ваще от

твоего занудства нечем. Народ, окно откройте, а?

Все хохочут. И Настя тоже улыбается. Я вижу.

– Может, пойдем уже? – не выдерживает Никита Коломазов. – Жрать хочется.

– Идем, – кивает Бессонов.

– Я ваше опоздание прикрывать не собираюсь! – тут же громко заявляю я, но в этот момент ребята начинают хватать вещи, вставать со своих мест, и в поднявшемся шуме меня уже никто не слышит.

Я втайне надеюсь, что не все пойдут с Бессоновым в кафе, но через пару минут хлопает дверь, наступает тишина, и в классе остаются только и я Аля.

Настя ушла со всеми. И я не понимаю, как мне к этому относиться.

– А ты почему не пошла? – со вздохом спрашиваю я у второй подруги.

– Я не голодная, – тихо говорит она.

– Даже если бы я умирала с голоду, я бы не взяла у этого уроды ни кусочка! – фыркаю я. – Ты, кстати, домашку по алгебре сделала?

– Не все задания, – шепчет она. – Там непонятно было.

– Давай я объясню! – с энтузиазмом заявляю я, чувствуя дикую потребность сделать для подруги что-то хорошее. Например, не дать ей получить очередную тройку.

При том, что Аля выглядит как типичная отличница, учится она не очень хорошо. Пятерки у нее только по тем

предметам, где достаточно пересказать параграф или сделать реферат. Там, где надо думать, ее опережает даже взбалмошная Настя, у которой усидчивости не хватает, но голова зато работает хорошо.

Когда она не занята мыслью о мальчиках, конечно.

«Если эта сволочь разобьет ей сердце, я ему ноги оторву», – мрачно думаю я про Бессонова. А вслух говорю:

– Надеюсь, Насте хватит ума к нему не лезть.

– Он красивый, – невпопад замечает Аля, доставая тетрадь по алгебре.

– Зато внутри гнилой, – резко отвечаю я и так сжимаю ручку, что она больно впивается мне в ладонь.

Да, на фоне наших мальчишек Бессонов выглядит особенно привлекательным, тут не поспоришь. Взрослый, знаменитый, уверенный в себе и своей неотразимости. Но разве это дает ему право вести себя так по-скотски?

Я рассеянно объясняю Але домашнее задание, хотя все мои мысли заняты вовсе не уравнениями.

Так проходит остаток урока и перемена, а когда звенит звонок на алгебру и в класс входит математичка Анна Геннадьевна, то, конечно же, этих идиотов еще нет.

Сидим только мы с Алей.

– А это что? – хмурится Анна Геннадьевна. – Внезапная эпидемия в честь первых теплых дней в этом году?! Я же сказала, что сегодня будем разбирать задания из ЕГЭ. Блохина, почему ты не предупредила всех? Что за дела?

– Я предупреждала, просто они...

– Где они?

– Они... скоро будут, – зачем-то вру я.

– Насколько скоро? – требовательно спрашивает Анна Геннадьевна. – Две минуты? Пять минут? Ну?

Я немного теряюсь от ее напора, судорожно пытаюсь выдумать какое-нибудь убедительное оправдание, но тут вдруг вступает Аля. Она говорит негромко, но в классе тихо, и ее хорошо слышно:

– Они ушли в кафе обедать. Саша не виновата, она им говорила, что не надо идти.

– Понятно, – зловеще тянет Анна Геннадьевна. – Хорошо, что сказала. Подождем, значит, этих голодающих из Поволжья и лично с ними разберёмся.

Мне почему-то неловко. Вроде Аля это из добрых побуждений сказала, но выглядит теперь так, будто они все плохие, а я хорошая.

Не очень это выглядит, в общем.

Мы молча ждем, и через пару минут дверь класса распадается. На пороге появляется Бессонов. За ним толпятся все остальные.

– Простите за опоздание! – с обаятельной улыбкой говорит он. – У нас были важные причины!

– А что, поход в кафе – это у нас уже важная причина? – ядовито уточняет Анна Геннадьевна.

– Это я их повел туда в честь знакомства, – тут же меняет

тактику Бессонов и покаянно вздыхает. – Ругайте меня, а не их, ладно?

И вдруг строгая математичка, вместо того чтобы вклеить и ему, и всем двойку, закатывает глаза:

– Я бы с удовольствием, но меня муж не простит, если я отругаю самого Максима Бессонова. Он твой большой фанат между прочим. Так что на первый раз прощаю, но чтобы в следующий раз в кафе ходили после уроков, а не вместо, ясно?!

– Ясно, – кивает Бессонов, а за его спиной я слышу приглушенные голоса ребят:

«Это Блохина нас сдала!» «Конечно, она!» «Не могла, блин, промолчать!» «В каждой заднице затычка!»

И когда ребята входят в класс и рассаживаются по своим местам, взгляды, которые они на меня бросают, добрыми точно не назовешь.

Сам Бессонов не торопится садиться и стоит около доски, небрежно сунув руки в карманы джинсов.

– Бес, садись со мной! – звонко предлагает Настя, глядя на него щенячьими глазами.

– Иди сюда, – тут же зовет его Маринка, старательно выпихивая свою соседку. – Здесь сейчас свободно будет.

– Пошли к нам! На последнюю парту, Бес! – надрывается Никита Коломазов, и все раздолбаи, оккупировавшие задние ряды, дружно к нему присоединяются.

Но Бессонов только ухмыляется.

– Совсем забыл, народ, – тянет он, и по бессовестному выражению его черных глаз видно, что врёт и даже не пытается это скрыть. – Там мне типа надо к директору зайти. Так что давайте, учитесь тут без меня. Пусть теперь за вами Блошка присматривает.

В ответ раздается разочарованный вой, но Бессонов на него не обращает внимания. Он просто берет и нагло уходит с урока. Даже не отпросившись у Анны Геннадьевны!

Когда за ним хлопает дверь, я не выдерживаю:

– А разве можно покидать урок без разрешения учителя?

– Блохина, а ты у нас уже учитель? – саркастично интересуется Анна Геннадьевна. – Если да, иди сюда и веди занятие. А если нет, тогда будь добра, помолчи и дай мне заняться моей работой.

– Вообще-то я староста и отвечаю за наш класс, – упрямо возражаю я. – И если кто-то не получит аттестат из-за того, что не посещает занятия...

– Бессонов получит аттестат в любом случае, – хмыкает она. – И это не наше с тобой дело. Так, дорогие мои бездари, открываем сборники на сороковой странице, сегодня нас интересует пятнадцатый вариант.

Я с немым изумлением смотрю на учительницу.

Она действительно сейчас прямым текстом дала понять, что Бессонов здесь на особых условиях? Что ему даже учиться не надо?

Раньше я думала, что те оценки, которые периодически

появлялись в журнале напротив его фамилии, были результатом того, что он сдавал удаленно какие-нибудь задания, учился онлайн или что-то такое, но сейчас я почти уверена: все эти пятерки и четверки ему просто рисовали.

И от этого становится нечеловечески обидно.

Но ребята почему-то воспринимают мой разговор с Анной Геннадьевной иначе.

– Отвяжись ты уже от него, Блохина! – огрызается на меня Андрей Уточкин. – Тебе всех надо под свои правила подстроить, да?

– Завидуешь, так завидуй молча! – кричат с задних парт.

– Поняла, Блошка?

Отлично. Просто отлично.

То есть теперь не только он называет меня этим унизительным прозвищем, но и ребята? Я кусаю губы, чувствуя, как вдруг защипало в глазах.

– А ну все рты закрыли, – командует Анна Геннадьевна. – Начинаем сразу с пятого задания. Уточкин, к доске.

Понемногу класс затихает, и урок входит в привычный ритм, но я все никак не могу успокоиться. Сердце стучит как бешеное, горло сжимает, словно тисками, и я не знаю, как вернуться к себе прежней – спокойной и уверенной.

На перемене ребята так очевидно ждут возвращения Бессонова, что мне их даже становится немного жалко. Но он не приходит.

Мы переходим в другой кабинет на урок русского, окна

там выходят на крыльцо школы, и вдруг Никита, стоящий около подоконника и обрывающий листья у фиалки, орет:

– Эй, смотрите, вон Бес! С «бэшками» стоит!

Тут же у окна оказываются все остальные, и даже я, потому что моя парта тут рядом, и мне приходится встать, чтобы меня не затоптали.

И да, Бес и правда там, в окружении здоровых лбов из 11 «Б», которые громко ржут и курят. А еще Бессонов приобнимает за талию Соловьеву, тоже из «бэшек», а она тянется, поднимаясь на цыпочках так, что ее мини-юбка задирается почти до трусов, и тычется ему своими пухлыми губами куда-то в шею.

Фу.

ФУ!

– Соловьева вечно ведет себя как проститутка! – шипит стоящая рядом со мной Настя.

Я вспоминаю, как она сама совсем недавно давала Бессонову расписаться у себя на груди, и молчу. Зато все остальные не молчат, а с явной завистью и злостью обсуждают «бэшек», которые украли у них Беса.

– Пойду к ним, – вдруг заявляет Никита. – Тоже покурю!

– И я.

– Я тоже.

– И я, – решительно говорит Настя.

Я хмурюсь. «Б» класс в отличие от нашего – это просто оторви и выбрось. Учителя говорят, что минимум треть их

класса не сдаст экзамены даже до нужного минимума. Не говоря уже о том, что с поведением там полный кошмар. И мне очень нравилось, что наш класс не похож на них и что наши ребята почти с ними не общаются. Но, спасибо Бессонову: кажется, и это тоже сейчас изменится.

– Настя, – осторожно напоминаю я, – мы на русском сегодня будем тринадцатое задание из ЕГЭ разбирать. Ты же сама говорила, что не понимаешь, как его делать.

– Саш, знаешь что, – огрызается Настя, – если твоя жизнь состоит только из учебы, то не надо всех по себе равнять, ладно?

И уходит.

После сдвоенного русского (ни на одном из них мистер Я-знаменитый-футболист, конечно же, не появился, впрочем, как и Настя) мы с Алей идем домой. Мы выходим из школы, проходим несколько шагов, и Аля вдруг застывает на месте, как будто кого-то увидела. А уже через секунду я понимаю – кого.

Бессонов стоит возле шикарной черной машины, небрежно припаркованной прямо на тротуаре, и тискает нашу Настю, которая оплела его руками и ногами, словно лиана. Настя стоит к нам спиной и не видит нас, зато Бессонов замечает сразу: его темные глаза, кажется, прожигают меня насквозь. Он ухмыляется мне, а затем обхватывает лицо моей подруги ладонями и целует ее.

Глава 4. Провокация

Когда я вижу, как их губы сливаются, то сначала краснею, потом бледнею, а затем невыносимо хочу заорать, чтобы этот придурак отстал от моей подруги. Но язык меня почему-то не слушается, он как будто прилип к небу.

Мне неприятно видеть, как они целуются.

Неприятно до дрожи.

Но отвести взгляд от этой картины я почему-то не могу.

Меня словно заворачивает его крупная ладонь на ее затылке, та наглость, с которой он прижимает ее к себе, а еще жуткая пошлость и неприличность того, что они делают это прямо посреди улицы...

– Саш, пойдем, – тихо говорит Аля, а когда я никак не реагирую, осторожно тянет меня за рукав. – Пойдем, это ее проблемы.

– Она наша подруга, – яростным шепотом возражаю я и неожиданно для себя кричу: – Настя! Настя!!!

Поцелуй прерывается, взъерошенная и раскрасневшаяся Настя удивленно вертит головой, а когда нас замечает, то ее лицо зло кривится.

– Что еще?

Я решительно шагаю в сторону подруги. Надо ее спасти.

– Насть, идем, – громко говорю я. – Мы же договаривались вместе...

– У нас другие планы, – с ухмылкой перебивает меня Бессонов. – И всяких мелких Блошек в наших планах точно нет, да, сладкая?

– Да! – расплывается в счастливой улыбке Настя и смотрит на него обожающим взглядом. – Бес обещал меня показать!

– Настя! – хмурюсь я. – Ты с ума сошла?! Садиться в машину непонятно к кому...

– Думаешь, я сексуальный маньяк, Блошка? – скалится Бессонов, а потом демонстративно прижимает к себе Настю, поглаживая ее по бедру. – Сорри, я просто сексуальный. И ни на на кого не нападаю, кроме соперников на поле. Красотки сами меня находят.

– Настя! – не сдаюсь я. – Твоя мама...

– Саша, отвянь! – вдруг грубо обрывает меня она. – И только попробуй вякнуть что-то моим родителям, ты мне тогда больше не подруга. Бес, поехали!

– Обожаю решительных девушек! – довольно ухмыляется он и открывает Насте дверь машины. А потом насмешливо бросает мне: – А тебе, Блошка, счастливо оставаться! Учи уроки, будь паинькой и не мешай взрослым веселиться.

Настя, не глядя на нас, ныряет в эту шикарную тачку, Бессонов садится с другой стороны и издевательски сигналиит нам. Машина срывается с места и вскоре исчезает за поворотом.

Я какое-то время смотрю ей вслед.

– Ненавижу таких, как он, – выдыхаю я беспомощно. – Бедная Настя!

– Вообще-то Настя сама с ним пошла, – с неожиданной холодностью возражает Аля. – Если она ведет себя как доступная девка, это ее проблемы, а не наши.

Я от неожиданности замолкаю.

В чем-то, может, она и права, но... Но я не согласна!

– Я все равно позвоню ей через два часа, – говорю я упрямо. – На всякий случай, чтобы проверить, что у нее все хорошо.

«...потому что этот зазвездившийся придурок выглядит как тот, кто способен на все».

Аля неодобрительно поджимает губы, и до аптеки мы идем молча. Потом как всегда расходимся в разные стороны: она к частному сектору, где у ее семьи дом, а я к облупленной пятиэтажке, где живем мы с мамой.

Мама на смене, она работает медсестрой в хирургическом отделении, так что я не удивляюсь, когда в квартире меня встречает только тишина. Привычно переодеваюсь, разогреваю обед, а сама думаю про Настю. Есть ли шанс, что Бессонов правда ею заинтересовался, а не просто взял на один раз поиграться? Может быть такое, что он влюбится в мою подругу, начнет с ней встречаться...

В моей голове вспыхивает картинка, как эти двое идут и держатся за руки. Настя счастливо смеется, Бессонов ласково улыбается ей, и на его щеке появляется та самая ямочка,

которую я сегодня заметила...

Я резко сжимаю ладонь, впиваясь в нее ногтями. Меня почему-то раздражает эта картинка. Наверное, потому что я вообще не хочу видеть этого мерзкого Бессонова рядом со своей подругой. Пусть он лучше... Пусть лучше...

Пусть лучше проваливает обратно в столицу! Играть в свой футбол!

Я раздраженно гроыхаю чашками, громко хлопаю дверцами шкафчиков, а потом не выдерживаю и хватаю телефон. Прошло полтора часа. И едва я думаю, что звонить еще рано, как телефон сам начинает вибрировать в моей ладони.

Там высвечивается имя Насти.

У меня обрывается сердце, я торопливо нажимаю на кнопку вызова и прижимаю телефон к уху.

И сразу же слышу громкие всхлипы.

«Я убью его! – с яростью думаю я. – Я точно убью его!»

– Настя? Что случилось? – дрожащим голосом спрашиваю я. – Ты где? Что он тебе сделал?

– Сашка, он... – Настя захлебывается рыданиями. – Он... Какой же он козел, Саш!

– Где ты? – отчаянно повторяю я. – Насть, за тобой приехать?

– Не надо, я дома, – всхлипывает она. – Он посадил меня и уехал! Саш, просто бросил у подъезда, даже не поцеловал!!!

Настя опять начинает реветь, а ледяная рука, сжимающая мое сердце с того самого момента, как она позвонила, ослаб-

ляет свою хватку. Я делаю выдох.

Ничего не понятно, но вроде полицию можно не вызывать.

Уже неплохо.

– Насть, так что случилось? – чуть мягче спрашиваю я.

– Сначала мы заехали в «Точку», он взял мне кофе, – заикающимся от слез голосом говорит она. – И мы целовались в машине! А потом он позвал меня к себе. Смотреть фильм. Типа до семи у него никого дома не будет. Сказал, ну знаешь, как будто в шутку, что типа фильм взрослый, но это не страшно, тебе ведь уже есть восемнадцать.

– О...А ты...

– А я, дура, сказала правду! – с отчаянием вскрикивает она. – Говорю, нет, только в октябре будет. Но это же неважно? А этот козел засмеялся и сказал, что с малолетками больше не связывается, от их родителей потом слишком много проблем. Говорит: подрасти, потом покатаемся. И отвез меня домой! Просто домой, Саш! Даже телефон не спросил, даже не сказал, что еще увидимся...

Она снова плачет, обиженно и горько, как маленький ребенок, а я хмурюсь. Меня с одной стороны, удивляет, что у этого придурка есть какие-то принципы, а с другой – я в шоке от того, как Бессонов относится к девушкам. То есть он просто взял первую попавшуюся и повез к себе домой, чтобы там ее...

Урод. Самый настоящий моральный урод.

А если бы Насте было восемнадцать?! Что-то я сомнева-

юсь, что она нашла бы в себе силы отказать ему.

– Тебе очень повезло, – искренне говорю я.

– В чем? – яростно огрызается она. – В том, что меня в школу рано отправили? Это нечестно! Почему тебе уже есть восемнадцать и ты этим нифига не пользуешься, а я гораздо взрослее, но все равно считается, что я не могу за себя решать?! Я могла быть сегодня с ним! С самим Бессоновым! Я же видела, что нравлюсь ему!

– Настя, – осторожно спрашиваю я, – а тебе не кажется, что когда девушка нравится парню, то он не тащит ее сразу же в день знакомства в постель?

– А что такого?! – с вызовом отвечает она. – Это только в любовных романах парни годами таскают цветы и серенады поют под балконами. В современной жизни все по-другому.

– Рогов тебе весь прошлый год сердца рисовал перед подъездом, – напоминаю я.

– Ой, ну ты не сравнивай наших недоумков с Бесом, – отмахивается Настя. – Бес – звезда! За ним любая готова пойти!

– Не любая, – сухо отвечаю я.

– Ну кроме такой принципиальной, как ты! – фыркает она.

– Дело не в принципиальности!

– А в чем? Ты из-за этих своих принципов нас и математичке сегодня сдала. А могла бы просто сказать, что не знаешь, где мы. Вот нифига ты так? Сама же видела, Бес после этого вообще на уроки не пошел. Он к нам как к нормаль-

ным отнесся, а тут ты со своим ябедничаньем, как в детском саду. Промолчать не могла?

Я хочу сказать, что это не я, что это Аля сказала учительнице про кафе, но в последнюю секунду себя останавливаю. Внутри словно кислота разливается – едкая и жгучая.

Почему-то мне кажется унижительным вот так оправдываться, особенно в ситуации, когда накосячил весь класс, а крайней оказалась я.

В общем, я просто молчу, но Настя, кажется, и не ждет от меня ответа, она длинно выдыхает, шмыгает носом, а потом жалобно спрашивает:

– Саш, слушай, а что теперь делать?

– Ты о чем? – холодно спрашиваю я.

– Я про Беса! Может, сказать ему, что я соврала и что у меня уже скоро день рождения? Или просто объяснить ему, что я взрослая и что родители мне все разрешают? О, слушай, а, может, мне самой его позвать куда-нибудь? В кино, например?

– Подожди до октября, – язвительно советую я. – Тогда Бессонову уже ничего не помешает показать тебе фильм. Только заранее к нему запишись на нужный день, а то вдруг еще будут желающие на кинопоказ.

Но Настя как будто не слышит моего сарказма.

– С ума сошла? – вполне серьезно огрызается она. – Он в июле уедет, у него там уже игры начнутся.

– Как уедет, так и приедет.

– Ага, если бы! Не приедет. Это нам случайно повезло, что он в нашей школе аттестат получает, второй раз уже так не обломится. Бес сам говорил, что у нас тут дыра по сравнению с Москвой.

– Это у него в голове дыра! Там, где мозги должны быть, – не выдерживаю я. – Знаешь, Насть, ты, конечно, моя подруга, и я очень за тебя переживаю и всегда готова помочь, но про этого Бессонова я больше не хочу слышать ни слова. Ясно?

– Ну и пожалуйста! – вспыхивает Настя. – Раз тебе пофиг на то, что мне важно, то нам не о чем говорить. Прости, что отвлекла тебя от твоих супер важных дел!

Она бросает трубку.

Я откладываю телефон на стол, чувствуя себя оплеванной.

Настя всегда очень эмоционально на все реагировала, особенно когда дело касалось мальчиков, так что ее всплески меня не особо удивляют. Но раньше она никогда так грубо со мной не разговаривала.

А все из-за него... из-за Бессонова...

Перед глазами вспыхивает его красивое лицо с презрительной ухмылкой, блестящие темные глаза и высокий лоб со спадающей на него прядью черных волос. Какой же он мерзкий!

Вот бы он взял и провалился куда-нибудь, чтобы в жизни его больше не видеть!

С этими мыслями я провожу весь вечер: делаю уроки, мою полы, читаю, засыпаю, так и не дождавшись мамы, а на сле-

дующий день как обычно прихожу в школу пораньше.

Учительница истории приходит одновременно со мной и, открывая класс, просит:

– Саша, не могли бы вы с доской помочь? Вчера пятиклашки ее мелом разукрасили, надо хорошо помыть, а я не успеваю. Мне надо в учительскую – карточки распечатать к уроку.

Алена Денисовна очень молодая, совсем недавно из пединститута, и почему-то ко всем нам обращается на «вы». Это немного странно, но приятно. Пожалуй, из всех наших учителей она самая классная и все время старается придумать что-нибудь такое, чтобы нам на уроке было интересно.

Поэтому я даже не раздумываю.

– Конечно, идите! Я помою, – решительно киваю я.

Она уходит, а я набираю ведро воды, отыскиваю тряпку почище и принимаюсь отмывать доску. Она реально вся изрисованная, и приходится как следует прополаскивать тряпку, иначе мел только размазывается.

В очередной раз я наклоняюсь к ведру, слышу какой-то шум в дверях, и не успеваю выпрямиться и посмотреть, кто пришел, как вдруг мне прилетает звонкий шлепок ниже талии.

– А с этого ракурса ты норм, Блошка, – слышу я насмешливый голос, который, наверное, мне в кошмарах скоро будет сниться. – Даже не такая костлявая.

Ярость вспыхивает внутри с такой силой, что я не успе-

ваю подумать: просто резко выпрямляюсь, хватаю мокрую грязную тряпку и с разворота швыряю ее в того, кто стоит за мной.

Глава 5. Без верха

Тряпка с влажным хлюпаньем впечатывается в грудь Бессонова, и на белоснежной ткани его футболки расплывается мокрое грязное пятно.

– С ума сошла? – рычит он.

– Не будешь руки распускать в следующий раз! – смело отвечаю я, хотя внутри меня потряхивает. Я обычно так себя не веду, но этот придурок просто вынуждает давать ему отпор.

– Руки распускать? – удивленно повторяет он, а потом вдруг ржет. – Это ты про то, что я тебя по заднице шлепнул? Я фигею с тебя, Блошка. Знаешь, как я *на самом деле* распускаю руки?

Голос Бессонова становится вдруг ниже, в нем появляются хриплые опасные нотки, и это меня пугает на каком-то инстинктивном уровне.

Он делает ко мне шаг, а я непроизвольно отступаю и тут же хватаю ведро с водой.

– Не подходи! – вскрикиваю я, замахиваясь. – А то я на тебя это вылью!

Наверное, я бы и правда так сделала, если бы прямо в этот момент дверь не распахнулась и в класс не зашли наши девочки. Маринка, Ева, Машка и... Настя.

Они замирают на пороге и смотрят на нас охреневшими

глазами.

– Блохина, ты больная?! – тут же вопит Маринка. – Бес, что она тебе сделала?

– Я жив-здоров, – тут же рапортует Бессонов с веселой улыбкой, пока я растерянно прижимаю к себе ведро. – Спасибо за беспокойство, девчонки.

Они обступают его со всех сторон, и Настя явно пытается пролезть ближе всех.

– Бес, а твоя футболка? – спрашивает она тоном заботливой мамочки. – Что с ней?

– Приняла на себя основной удар во время нападения особо опасной Блошки, – скалится Бессонов.

– Блохина, ты нормальная вообще?! – возмущенно вскрикивает Ева.

– И что ты к нему лезешь? – кипит от негодования Маринка.

– Такую вещь испортила! Дорогая она, да?

– Да вообще! Пусть за ущерб платит!

Настя молчит, но по её взгляду видно, что она обо мне думает.

– Ладно вам, – небрежно отмахивается Бес, пока я с каменным лицом подбираю тряпку и снова полощу ее в ведре. – Я привык к ненормальным фанаткам. Блошка еще не самая двинутая из них.

– Я не твоя фанатка! – резко возражаю я, но Бессонов меня как будто не слышит.

– У меня даже трусы один раз из раздевалки украли, – со смехом рассказывает он стоящим вокруг него девчонкам. – Прикиньте?

– Оооо! – дружно выдыхают они, и по голосу слышно, что они ничуть не осуждают ту, которая так сделала. Кажется, они и сами были бы не против получить такой сувенир.

Фу, как же это противно выглядит, меня аж передергивает.

А то, что Бессонов записал меня в свои поклонницы, бесит особенно.

– Жаль, что эта тряпка не прилетела тебе в лицо, – не выдерживаю я.

– Вау, это ты мне так угрожаешь, Блошка? – вскидывает темную бровь Бессонов. – Капец, как страшно.

А потом без всякого предупреждения он вдруг цепляет футболку за спиной и одним движением стягивает ее с себя.

– Мокрая, – небрежно поясняет он остолбеневшим девчонкам. – Бесит.

– Оооо!!! – почти стонут в унисон они, и я, хоть и злюсь на этого придурка, прекрасно понимаю их реакцию.

Мы все видели наших парней без верха – любят они на физкультуре, когда жарко, снять с себя пропотевшие футболки и светить хилыми руками и сутулыми спинами. Смотреть там вообще не на что. А вот Бессонов... Если бы Палата мер и весов искала пример образцового мужского тела, это был бы Бессонов. Его торс идеален. Там, где у наших пацанов

кости и кожа, у него рельефные мышцы, где у них впалый или наоборот пухлый живот, у него четко прорисованный, как в учебнике биологии, пресс. И такие выпуклые бицепсы, на одном из которых татуировка футбольного мяча...

Я старательно отвожу взгляд и яростно тру и без того чистую доску злосчастной тряпкой.

Не собираюсь я пялиться на его кубики и бицепсы. Меня такие умственно отсталые и ограниченные парни не интересуют! С тем же успехом можно в гориллу влюбиться: у нее тоже мускулатура хорошо развита.

– Ты такой накачанный! – слышу я за спиной восторженный выдох Маринки. – Обалдеть!

– Фигня. Это ты мои ноги не видела, – снисходительно хмыкает Бессонов. – Их я реально качаю, а это так... саморосло.

Вот же павлин!

– А что твоя футболка? – лезет к нему Настя.

– Не знаю. Я бы выкинул ее нахрен, но жалко: это командный мерч.

– Я...я постираю, – тут же выпаливает она.

– Нет, я! – ревниво возражает Ева.

– Я знаю, как надо, дай мне!

– Фига себе ажиотаж! – ржет Бессонов, и по голосу слышно, что его все это развлекает. – Пусть вон Блошка лучше стирает. В качестве наказания.

Я оборачиваюсь и угрожающе взвешиваю тряпку в руке:

– Уверен? Я могу ведь еще бросить!

– Ненормальная! – припечатывает Маринка. – Нет чтобы извиниться! Бес, давай я лучше!

С этими словами она выдергивает футболку у него из рук и выбегает из класса, Настя и Ева мчатся за ней. Одна только Машка вздыхает и плетется за парту, исключая себя из конкурентной борьбы.

В классе уже не так пусто: собралось некоторое количество зрителей, которые или перешептываются, или громко возмущаются в мой адрес. Но я на них не смотрю. Выжимаю тряпку, кладу ее на батарею, а ведро с водой несую в дальний угол класса, чтобы после урока вынести. Сейчас уже не успею.

– Так, ребята, здрав... – влетает в класс наша Алена Денисовна со стопкой распечаток и тут же застывает, наткнувшись взглядом на полууголого Бессонова.

Он с ухмылкой кивает ей, и наша молодая историчка под его взглядом заливается краской до самых корней волос. Кажется, что даже очки у нее багровеют.

– Это... что? – лепечет она. – Кто? Почему вы в таком виде в школе?

– Несчастный случай, – невозмутимо сообщает Бессонов.

– Это Блохина на него воду вылила! – с удовольствием ябедничает Рогов.

– Саша, – укоризненно вздыхает Алена Денисовна, старательно отводя взгляд от грудных мышц и пресса нашего фут-

болиста. – Как же так?!

– Он врет, – буркаю я. – Он первый ко мне полез.

– Ой ну кому ты нужна, чтобы лезть к тебе?! – тут же фыркают наши девчонки. – Мечтай!

– Да ладно, – ухмыляется Бессонов, прожигая меня на смешливым взглядом черных глаз. – Пусть Блошка помечтает! Вам жалко что ли?

– Я мечтаю только о том, чтобы ты куда-нибудь провалился, – с вызовом отвечаю я. – Ясно?

Но мой вопрос остается без ответа, потому что сначала в класс вваливаются довольные Ева и Настя с выстиранной футболкой Бессонова, а сразу же вслед за этим звенит звонок.

– Садитесь скорее, – призывает их к порядку Алена Денисовна.

Бессонов тоже идет неторопливо к своей парте, но историчка его останавливает.

– Извините, но в таком виде вы не можете присутствовать на уроке, – говорит она смущенно. – Оденьтесь, пожалуйста.

– А что? – обаятельно улыбается он, и на его щеке опять появляется эта притягательная ямочка. – Не нравится? Плохо выгляжу?

Алена Денисовна краснеет еще сильнее.

– Дело не в этом, – говорит она, откашлявшись. – Просто так... неприлично. Вы нарушаете правила школы!

– Правила школы – это важно, – с серьезным видом со-

глашается Бессонов. – Капец как важно.

– Я рада, что вы это понимаете, – с облегчением выдыхает учительница.

– Я вообще понятливый, – ухмыляется он и небрежно потягивается, снова демонстрируя свою идеальную форму. – Ладно, тогда я пошел.

– Подождите, – пугается Алена Денисовна. – Но зачем пропускать урок? Вы... вы же можете просто одеться!

– Мне не во что, – скалится он.

– Но разве никто не может одолжить вам футболку или рубашку? – она беспомощно смотрит на класс.

– Я бы не надел чужую одежду, – хмыкает Бессонов. – К тому же она тупо на меня не налезет.

И он прав. Ни у кого в нашем классе нет таких широких плеч, как у этого безмозглого спортсмена. И ростом он выше всех пацанов.

– Можешь в штору завернуться, – ядовито предлагаю я. – Или тряпками половыми прикрыться. Там еще осталась парочка.

– Саша! – возмущённо восклицает учительница.

– Заткнись, Блохина! – рывкают на меня пацаны.

А Бессонов только беззаботно ухмыляется.

– Одеваться в тряпки – это твоё хобби, Блошка, – небрежно говорит он. – Лично я предпочитаю качественные вещи.

Я просто теряю дар речи. Нормально я одета! Да, не в дорогую одежду, но и не в тряпки! Он совсем уже что ли?!

– Ладно, всем пока, народ, – Бессонов подмигивает классу. – Поучитесь тут за меня.

– Бес, а футболка? – кричит ему вслед Настя. – Давай я тебе домой ее принесу!

Но он уже в коридоре, и моя подруга никакого ответа не получает.

Урок начинается, и я стараюсь внимательно слушать Алену Денисовну, хотя ощущаю себя неуютно, потому что сижу одна. Обычно место около меня считается козырным, ведь я всегда готова помочь или подсказать, но сегодня тут никого. Нет даже Али, она написала, что заболела. А Настя, очевидно, больше не считает меня подругой.

Эта мысль отзывается внутри тянущей болью, похожей на ноющий зуб, но я не даю себе раскисать.

«Соберись, Саша! Осталось всего месяц доучиться», – строго говорю я себе. – «Забей на них всех. И на придурка Бессонова в первую очередь. Просто делай вид, что его не существует».

Но это сложно сделать, потому что этот придурок, хоть и не пошел на уроки, но остался болтаться в школе.

На второй перемене я вижу в коридоре Бессонова, который прижимает к стенке Соловьеву и языком исследует ее гланды. Это вижу не только я, а, кажется, все школа, потому что весь следующий урок наши девочки сидят с траурными лицами, а Настя убегает плакать в туалет. На четвертой перемене Ева и Маринка громко шепчутся, что видели, как в

машину Беса садилась практикантка по английскому, и Настя опять убегает плакать в туалет.

Мне хочется ей сказать, чтобы она не расстраивалась из-за Бессонова, потому что он не стоит того. Он просто самовлюбленный павиан, который готов оприходовать любую самку. Ему нравится чужое внимание, он в нем купается, но ни Соловьева, ни практикантка, ни сама Настя ему не интересны.

Ему, похоже, никто не интересен, кроме его самого.

Но Насте не нужны мои советы, поэтому я молча досиживаю до шестого урока и иду домой. Бессонов, к счастью, на занятиях больше не появляется. Видимо, у него дополнительный курс английского с практиканткой.

Я очень надеюсь, что и на следующий день его не будет в классе, но, к сожалению, на третьем уроке эта звезда все же заявляется в класс, сияя своей наглой ухмылкой.

– Бес, вот твоя футболка! – Настя подлетает к нему. – Я ее дома еще раз постирала и даже погладила. Вот.

– Спасибо, сладкая, – он одаряет ее небрежной улыбкой. – Но я уже новую заказал. Оставь себе. Или выкинь.

– А ты можешь на ней расписаться?

– Не вопрос.

Бессонов привычно оставляет на футболке свою размашистую подпись, потом оглядывает класс и, заметив меня, широко улыбается:

– Блошка! Как сегодня мне планируешь жизнь портить?

Ментов ты уже вызывала, тряпками швырялась, что сегодня в программе?

Я делаю вид, что ничего не слышу, но он, кажется, не планирует оставлять меня в покое, потому что внезапно садится за мою парту. Прямо на пустующий соседний стул.

Глава 6. Несправедливость

Я от неожиданности замираю.

Зачем он приперся ко мне?

А Бессонов, небрежно подпирая голову рукой, рассматривает меня так, как будто я какой-нибудь товар на витрине.

– Что надо? – не выдерживаю я.

– От тебя? Ничего, – скалится он. – А что?

– А зачем тогда сел сюда? – хмуро спрашиваю я.

– Захотел и сел. – Насмешливые темные глаза внимательно следят за мной. – Места вроде общие, Блошка, не? Или надо было у тебя вначале письменное разрешение получить?

– Письменное? – фыркаю я. – А что, ты разве грамоте обучен?

– Ну контракты же я как-то читаю, – ослепительно улыбается Бессонов.

– А разве это не делают за тебя специально обученные люди? – саркастично спрашиваю я и тут же злюсь на себя, что не смогла промолчать.

Не знаю, что происходит, но когда рядом со мной оказывается этот тупоголовый смазливый спортсмен, яд из меня просто льется, и не получается оставаться спокойной. Честное слово, меня в жизни так никто не бесил, как он!

Но на мое замечание про специально обученных людей Бессонов лишь презрительно вздергивает одну бровь, потом

снова оглядывает меня и тянет:

– А что, Блошка, завидуешь?

Я не успеваю ничего ответить, потому что звенит звонок и тут же в класс заходит наша математичка Анна Геннадьевна. Бессонов остаётся сидеть рядом со мной.

Математичка видит его и поджимает губы, явно замечая, что перед ним на парте нет ничего: ни ручки, ни тетради, ни сборника заданий ЕГЭ. Но она никак это не комментирует, просто идет к своему столу, сухо здоровается и начинает вести урок.

Сначала мы пишем проверочную работу. Мы – пишем, а Бессонов лениво тыкает что-то в своем телефоне. Потом сдаем листочки, и Анна Геннадьевна разбирает с нами шестнадцатое задание из ЕГЭ. Мы решаем примеры у доски, а Бессонов по-прежнему сидит, уткнувшись в мобильник. В одном ухе у него наушник, а на экране идет какой-то матч: маленькие фигурки бегают по зеленому полю с мячом.

У него мозг только на футбол заточен?! Он вообще ничего другого не воспринимает?

– Блохина, – раздается четкий голос математички. – К доске. Тебе второй пример.

Пф, это нетрудно!

Я, пачкая мелом пальцы, быстро расписываю по шагам, как надо найти значение выражения. И Анна Геннадьевна кивает.

– Все верно, садись.

Она ничего не говорит про оценку, но я рассчитываю на пятерку. И именно поэтому после звонка, когда я беру журнал, чтобы отнести его на другой урок, я тут же раскрываю его на странице с алгеброй и вижу...

И вижу, что напротив моей фамилии сегодня пустая клеточка. А напротив фамилии Бессонова, который в списке прямо передо мной, нарисована аккуратная пятерка.

– Анна Геннадьевна, – громко говорю я. – Вы ошиблись.

Шумевший класс, который уже почти собрал вещи, с любопытством замирает. Всегда ведь прикольно, когда кто-то начинает разборки с учителем.

– И в чем же я ошиблась, Блохина? – ледяным тоном спрашивает математичка.

– Вы мою оценку за ответ у доски поставили Бессонову.

– Я не оценивала сегодня ваши ответы у доски, – отрезает она. – Все, Блохина, свободна.

От жуткой несправедливости у меня даже горло перехватывает. Но я быстро с этим справляюсь.

– Тогда, – Мой голос сначала запинаясь, но потом становится громче. – Тогда откуда у Бессонова пятерка?! Он же ничего сегодня не делал! У него даже тетради с собой не было!

– Блохина... – угрожающе начинает Анна Геннадьевна, но я не даю ей договорить.

У меня все клокочет внутри, и молчать просто не получается.

– Вы ставите ему оценки только за то, что он хорошо играет в этот идиотский футбол?! Но это ведь нечестно!

– Идиотский? – вдруг холодно переспрашивает Бессонов и в одно движение оказывается рядом со мной, возвышаясь минимум на голову. – Откуда столько самомнения, чтобы называть идиотской игру, в которую играет двести пятьдесят миллионов человек во всем мире? Думаешь, ты умнее их, потому что посчитала два плюс два и получила правильный ответ?

Я от неожиданности теряюсь и не понимаю, что ему ответить.

Особенно когда остальные ребята в классе начинают орать «Так ее! Правильно, Бес!»

– Замолчали! – прикрикивает на них Анна Геннадьевна. – Блохина, дай мне обратно журнал. Быстрее, ну.

Я, ничего не понимая, несу ей обратно журнал. Математичка открывает его прямо при мне и рисует напротив моей фамилии двойку.

Я ошарашенно смотрю на эту оценку. У меня ни разу в жизни не было двойки. Ни разу!

– За что? – беспомощно выдыхаю я.

– За наглость и хамство.

– Но это же за поведение, их не выставляют в журнал, – беспомощно бормочу я.

Анна Геннадьевна недрогнувшей рукой выводит мне вторую двойку. В пустой клеточке предыдущего урока.

– Достаточно? – спрашивает она саркастично. – Или еще будешь спорить?

Я вздрагиваю, с трудом сдерживая жгучие слезы обиды, подкатившие к ресницам. Мои щеки горят от унижения.

– Буду, – с трудом выдавливаю я из себя. – Потому что это нечестно. Бессонов...

– Занимайся собой, а не чужими оценками, – обрывает меня математичка и встает. А потом ехидно добавляет: – Зависть никого не красит, Блохина.

С этими словами она берет свои вещи и выходит из кабинета, а вслед за ней расходятся и ребята. Представление окончено: больше тут смотреть не на что.

Я остаюсь последняя в классе и медленно собираю вещи в сумку, стараясь размеренно дышать, чтобы успокоиться. Почему-то в кабинет не заходит новый класс, видимо, здесь нет следующего урока, и поэтому меня никто не трогает и я могу прийти в себя. Постепенно сердце перестает колотиться как бешеное, непролившиеся слезы высыхают, и я уже готова идти на четвёртый урок, но внезапно распаивается дверь кабинета.

– Ты еще тут, Блошка? – слышу я насмешливый голос Бессонова.

– Тебе какое дело? – огрызаюсь я, надеясь, что по моему лицу незаметно, что я только что чуть не разревелась.

– Просто стало интересно, что ты тут так долго делаешь, – тянет он, делает шаг в кабинет и захлопывает за собой

дверь. – Страдаешь от того, что не получилось восстановить справедливость во всем мире? Или мучаешься от зависти к чужим заслугам?

Какой же он мерзкий.

Ненавижу его!

– А ты зачем пришел? Позлорадствовать? – хмуро спрашиваю я. – Вперед, можешь хоть описать от счастья, что из-за тебя у меня теперь две двойки стоят.

– Двойки? – вскидывает он бровь. – Поздравляю. А при чем тут я?

– Потому что мне их только что поставили! По математике! Не делай вид, что ты не знаешь!

– С чего бы? Я понятия не имел, что там тебе эта старая корова нарисовала, – равнодушно бросает Бессонов. – Все претензии к ней. И двойка, Блошка, это не конец света. Это не вылет из группы, не пенальти, не красная карточка – это просто тупая цифра на тупой бумажке, которая не значит ничего.

– Дл тебя не значит! А для меня – да!

– Как же скучно ты живешь, Блошка, – презрительно фыркает Бессонов.

Я хочу ему ответить, но тут вдруг звенит звонок.

Черт, это же на урок уже! Получается, на русский я опоздала!

Я быстро хватаю сумку и иду к дверям, но на моем пути все еще стоит Бессонов, загораживая проход своими широ-

кими плечами. Сдвинуть его с места все равно что сдвинуть тяжелый шкаф – может, и реально, но не в моей весовой категории.

– Пропусти! – требую я.

– А если не пропущу? – На его губах возникает коварная усмешка, и я опять против воли смотрю на ямочку на его щеке. – Прикольно же будет, если староста и отличница прогуляет урок. Неужели тебе никогда этого не хотелось?

– Я – не ты! – чеканю я. – Это ты инфантильный и безответственный, а я к учебе отношусь как к работе, как к своему будущему, ясно тебе?

Красивое лицо Бессонова презрительно кривится.

– Вот смотрю я на тебя, Блошка, и думаю...

– Думаешь? – язвительно перебиваю я. – А разве вам тренер не запрещает думать?!

– Думаю, с чего вдруг такое самомнение на ровном месте? – продолжает он, не отвечая на мою провокацию.

– А у тебя?

– Ты не путай, – холодно улыбается Бессонов. – Я *знаю*, в чем я лучший. И так думаю не только я. А ты? Учишься на пятерки в какой-то занюханной школе провинциального городка, носишься со своей должностью старосты, требуешь, чтобы тебя все в задницу за это целовали – и это типа твои достижения? Ты поэтому и цепляешься так ко мне? Бесит, что кто-то тебя, такую королеву, в чем-то превосходит!

Я просто дар речи теряю от его наглости.

Он вообще слышит, какую чушь он несет?! Я цепляюсь?! Это он мне прохода не дает! А еще смеет обвинять меня в зависти к нему. Да было бы чему завидовать!

– В чем ты меня превосходишь? – яростно спрашиваю я и воинственно вскидываю подбородок, чтобы заглянуть прямо в эти бесстыжие темные глаза. – В том, что можешь мячиком в ворота попасть? Так этим только дети в детском садике хвастаются. Без своего футбола ты ноль без палочки. Тебе учителя даже по самым простым предметам оценки рисуют, потому что сам ты ничего решить не в состоянии.

– Мне кажется, Блошка, или ты меня сейчас назвала тупым? – опасно прищуривается он и делает шаг ко мне.

На его лице уже нет никакой насмешки, а выражение темных глаз злое и серьезное, как сегодня, когда я сказала, что его футбол – идиотская игра.

Кажется, у меня получилось задеть самого Беса. Вот только вместо радости я ощущаю страх, а по позвоночнику прокатывается какое-то неминуемое предчувствие опасности, как когда ночью идешь одна по безлюдной улице.

Я машинально отступаю, сглатываю враз пересохшим горлом и, собрав последние остатки смелости, выговариваю:

– Знаешь, удары по голове бесследно не проходят, а теперь подумай, сколько раз тебе по голове мячом прилетало. Даже если там и были какие-то мозги, они...

Я не успеваю договорить, потому что Бессонов резко делает шаг и прижимает меня к стене рядом с доской.

– Отойди! – я пытаюсь его ударить, но он легко перехватывает мои руки и стискивает запястья. Его сила и напор пугают.

– Отпусти! – вскрикиваю я. – Ты тупой придурок! Пустое место!

Бессонов молча смотрит на меня. И выражение его лица не сулит мне ничего хорошего.

Я чувствую, как сердце заходится предательским стуком. Мне страшно.

Он сильнее меня, и, кажется, я его разозлила. Хотя губы Бессонова сложены в привычную ухмылку, его черные глаза сейчас пылают от ярости.

– Какая же ты до мерзости правильная, Блошка, – с обманчивой мягкостью тянет он. – Настолько хорошая, что аж тошнит. Так и хочется тебя испортить.

И вдруг впечатывается в меня жарким унижительным поцелуем.

Глава 7. Без логики

Меня еще ни разу в жизни не целовали. Конечно, я думала о своем первом поцелуе, о том, каким он будет и с кем, но даже в страшном сне мне не могло присниться, что это произойдет с человеком, от которого меня буквально трясет. С человеком, который обругал во мне все, что можно: начиная от фигуры и заканчивая характером.

И, наверное, поэтому я сначала даже не сопротивляюсь его горячим губам, прижавшимся к моим, потому что ни в одной вселенной не могло быть такого, чтобы Бессонов добровольно коснулся меня. Но спустя бесконечно долгую секунду я вдруг осознаю, что это все реально. И его широкая твердая грудь, прижавшая меня к стене, и его терпкий, какой-то непривычно мужской запах, и жаркое мятное дыхание, и наглый язык, размыкающий мои губы и проникающий в рот.

Он. Меня. Целует.

Это происходит на самом деле!

И вот тогда я начинаю вырываться: я дергаю руки, намертво стиснутые его пальцами, как кандалами, и возмущенно мычу ему в рот, потому что кричать не получается. В голове вспыхивает спасительная мысль о том, что надо заехать ему коленом между ног, но еще до того, как я успеваю это сделать, Бессонов вдруг разрывает поцелуй. Но не отпускает

меня.

Стоит и смотрит своими бесстыжими глазами, которые сейчас потемнели так, словно в его зрачках клубится ночь. На губах нет привычной ухмылки. Наши лица все еще слишком близко, и я чувствую на своей коже его дыхание.

Мне жарко, мне страшно, и... как-то еще. Я не понимаю это чувство: оно незнакомое, странное, тянущее. Оно раздражает – точно так же, как и Бессонов.

– Отпусти, – хриплю я. Пытаюсь плюнуть ему в лицо, но не могу. Во рту все слишком пересохло, я и языком шевелю еле-еле. – Я не хочу! Не хочу!

– Думаешь, я хочу? – ухмыляется Бессонов и разжимает пальцы с таким видом, как будто ему противно было меня держать. – Считай это подарком на окончание школы, Блошка. Ничего лучше этого с тобой не случится. Можешь сказать «спасибо», кстати.

Я хватаю большую линейку, лежащую у доски, и швыряю ее в Бессонова, который, к сожалению, легко уворачивается.

– Что за чушь? – задыхаясь, говорю я. – Меня тошнит от тебя и от твоих мерзких слюнявых поцелуев! А ты еще ждешь, чтобы я спасибо тебе сказала? Больной! Извращенец! Если ты еще раз ко мне подойдешь...

– Не подойду, – скучающим тоном сообщает Бессонов. – Такие ледышки, как ты, вообще не в моем вкусе, Блошка. Девочка должна быть горячее и прикольной, а у тебя вечно выражение лица, как у старой училки. Спорим, к тебе ещё

никто в жизни не подкатывал и это твой первый поцелуй?

– Нет! – яростно возражаю я, но щеки против воли вспыхивают.

– Да! – хохочет Бессонов. – А знаешь почему? Все просто бояться яйца отморозить об твою правильность.

Его слова бьют меня под дых и внезапно пробуждают болезненные воспоминания.

В прошлом году мне нравился Рогов. Не знаю почему, просто нравился. Я помогала ему с домашними заданиями, напоминала про долги, которые у него были по учебе, и даже один раз шла с ним домой из школы, когда у нас обоих был факультатив. Но на Четырнадцатое февраля валентинку и коробку рафаэлок от него получила Настя. А потом он при всех позвал ее на свидание, а потом рисовал сердечки под ее подъездом и таскал ей цветы. А я вынуждена была выслушивать Настины стоны о том, как ей надоел этот придурок.

За лето моя странная симпатия испарилась, и когда я пришла в сентябре в школу, то глядя на прыщавое лицо Рогова и его сутулую спину, никак не могла понять, что же в чем нашла. Но чувство обиды осталось. Меня и правда никогда не выбирали. И это действительно мой первый поцелуй.

Самый отвратительный поцелуй в мире! С самым бесящим меня самовлюбленным идиотом!

– Если ты еще раз протянешь ко мне свои грабли, я обращусь в полицию, – ледяным тоном говорю я и машинально растираю запястья, на которых остались красные следы.

– Капец ты грозная, – ухмыляется Бессонов. – Расслабься, у меня и без тебя целая очередь желающих.

– А ты им номерки выдаешь? – не удерживаюсь я. – Или как это все происходит?

Бессонов хмыкает и окидывает меня придиричивым взглядом.

– Блошка, ты мало того, что заучка и командирша, так еще и язва. Если не исправишься, то сегодняшней поцелуй будет у тебя и первым, и последним. Никто не захочет с такой связываться. И сисек у тебя опять же нет.

– Зато мозги есть! – вспыхиваю я. – В отличие от некоторых!

– Утешай себя этим, – покровительственно говорит Бессонов и идет к двери. А потом вдруг оборачивается и весело добавляет: – А на урок ты все-таки опоздала, Блошка!

И уходит.

А я все еще чувствую на губах фантомный вкус этого поцелуя. Мята, терпкость, жар... Это не было противно. Хотя должно было!

Я не понимаю, чего во мне сейчас больше: растерянности или злости. Стою какое-то время, прижав ладони к щекам, потом иду к окошку и бездумно смотрю в окно. Минуту, или пять минут, или десять – не знаю. Потом делаю длинный выдох, беру свою упавшую на пол сумку и выхожу в коридор.

Я понимаю, что должна идти на уроки, но у меня нет сил. Вот просто нет сил. Две двойки, язвительный взгляд матема-

тички, Бессонов, его оскорбительные слова, этот... этот поцелуй... Слишком много всего.

И хотя я в жизни так не делала, но вместо того, чтобы идти на остаток русского, а потом на сдвоенную физику, я спускаюсь по лестнице вниз, на первый этаж, прохожу через фойе, открываю тяжелые деревянные двери и оказываюсь на улице. И даже зажмуриваюсь на мгновение от того, как это хорошо! Лицо обдувает теплый свежий ветер, пахнет чем-то цветочным и очень весенним, а солнце так ярко светит, что хочется надеть темные очки.

И в этот момент я отчетливо понимаю, что в класс сегодня не вернусь. Мне очень стыдно от этого решения, но я ничего не могу с собой поделать.

Я неторопливо спускаюсь со ступенек крыльца, иду к дороге, но вдруг слышу веселый окрик:

– Эй, Блошка!

Замираю.

Нет, господи, нет, только не он! Ну за что?!

Медленно поворачиваю голову и вижу Бессонова, который ухмыляется мне из открытого окна своей машины.

– Садись, прогульщица, подвезу.

Отворачиваюсь, делаю вид, что не слышу его, и продолжаю свой путь. Иду по пешеходному переходу, пересекаю двор, выворачиваю на узкую заасфальтированную дорожку, которая тянется ровно вдоль дороги, и замираю как вкопанная. Потому что на этой дороге снова стоит тачка Бессонова.

И это уже случайностью не назвать.

Самое дурацкое, что мне даже свернуть некуда: тропинка тут одна, справа от нее заросший овраг, а слева – дорога.

Сжимаю зубы, поправляю ремень сумки на плече и с независимым видом шагаю по дорожке. А рядом со мной, буквально с той же скоростью, что я иду, едет Бессонов на своей шикарной машине.

– Что тебе надо? – не выдерживаю я.

– Ничего, – лениво отвечает он.

– Тогда что ты тут делаешь?

– Домой еду.

– Не ври.

– С чего бы мне врать? – ухмыляется Бессонов. – Что я, домой не могу поехать? Одной тебе что ли можно прогуливать, Блошка?

– Очень смешно! И вот с такой скоростью ты едешь домой?

– А я не тороплюсь.

– Зато я тороплюсь!

– Ну так садись ко мне, поедem быстрее, – подмигивает Бессонов.

– Ни за что, – резко отвечаю я.

И больше не говорю Бессонову ни слова. Просто иду, стараясь не смотреть в его сторону, и делаю вид, что ничья машина тут рядом со мной не едет. Наконец показывается здание аптеки, возле которого я могу свернуть с пешеходной

дорожки в сторону своего двора, но едва я делаю шаг в ту сторону, как Бессонов тормозит машину, быстро выбирается из нее и встает, преграждая мне дорогу.

– Давай провожу, Блошка. Тебе куда?

– Никуда, – упрямо вскидываю я голову.

Еще не хватало ему свой адрес сливать, мало ли для чего ему это нужно!

– Боишься? – усмехается он.

Карие глаза весело сверкают, уголки губ подрагивают, и вообще выглядит так, что вся эта ситуация очень его развлекает. А мне вот ни капельки не весело!

– Что тебе от меня надо, Бессонов? – устало спрашиваю я. – Тебя там твоя длинная очередь не заждалась?

– Переживаешь за мою личную жизнь? – тянет он губы в ленивой ухмылке. – Спасибо, Блошка, очень мило с твоей стороны.

– Бессонов! – повышаю я голос. – Свали! Я домой хочу!

– Ну так вперед, – усмехается он. – Иди! Я провожу.

– Обойдешься. Я не пойду никуда, пока ты тут стоишь.

– Я тебе, кажется, уже говорил, что никуда не тороплюсь? – зевает Бессонов. – Ну давай постоим тут.

– Да ты... Я... Я сейчас знаешь, что сделаю?!

– Ну? – заинтересованно спрашивает он.

– Позвоню... – я хочу сказать «в полицию», но потом вспоминаю, какие хороводы водили вокруг него полицейские, и мгновенно решаю, что это не лучшая идея.

Я делаю шаг в правую сторону, он тоже делает шаг вправо. Я влево – и он влево.

– Так куда ты позвонишь, Блошка? – насмешливо спрашивает Бессонов.

– Никуда! – я со всей силы толкаю его ладонями в грудь, но это бесполезно. Его мышцы твердые, как камень. И сам он не сдвигается ни на сантиметр. – Уйди!

– Ты меня лапаешь сейчас, если что, – с ухмылкой сообщает Бессонов. – Напрашиваешься, чтобы я тебя снова засосал? Понравилось?

– Ах ты...

– Саша!

Услышав ужасно знакомый голос, я неверяще оборачиваюсь. Но да, в нескольких метрах от меня и правда стоит моя мама. С двумя пакетами в руках. В супермаркет что ли ходила? Черт, когда я решила уйти с уроков, я совсем забыла, что мама сегодня дома. У нее так часто меняют график смен, что я постоянно в них путаюсь.

– Мам?

Она ставит один пакет на пол, машет мне рукой, потом снова берет пакет и... идет в нашу с Бессоновым сторону.

– Отвянь, – сквозь зубы бросаю я ему. – И дай пройти.

Он без слов уступает мне дорогу, я быстро шагаю к маме, но этот придурок идет за мной!

Ну не орать же на него при маме? Вот, блин, не повезло.

– Привет, – озабоченно говорит мама, когда я почти до-

хожу до нее. – А ты чего не в школе?

– Голова заболела, – неловко вру я.

– Выпила бы таблетку, зачем пропускать занятия из-за этого?

– Здравствуйте, – вмешивается в наш разговор Бессонов и обаятельно улыбается. – Она пила таблетку, но не помогло. Поэтому лучше было уйти с уроков.

– Вдвоем? – с явным скепсисом уточняет она.

– Меня отправили ее до дома проводить, чтобы с ней точно все в порядке было, – легко сочиняет Бессонов. – А то, знаете, головные боли – штука опасная.

– Не менее опасная, чем вранье, – отрезает мама и придирчиво рассматривает Бессонова. – А ты разве из их класса? Вроде я тебя видела где-то, но...

– Я Бессонов, – небрежно поясняет он, и моя мама моментально меняется в лице.

– Сын Татьяны Георгиевны? – медленно говорит она. – Точно, у нее же в кабинете твоя фотография на стене висит. Вот почему лицо такое знакомое! Да, девочки в сестринской говорили, что к ней сын приехал, а ты, значит, в Сашином классе учишься? Она мне не рассказывала.

– Татьяна Георгиевна? – нахмурясь, переспрашиваю я. – А это...

– Саш, ты чего? – одергивает меня мама. – Это же наш главврач.

Я тупо смотрю на Бессонова.

То есть мало того, что он известный футболист, так он еще и сын маминой начальницы?! А Нобелевскую премию он там случайно не успел получить, а?

– У вас сумки тяжелые, – вдруг заявляет Бессонов. – Давайте я помогу.

– Не надо, – возражает мама. – Мы тут недалеко живем. В пятиэтажке за этим углом.

– И все же я помогу, – непреклонно заявляет он и буквально забирает пакеты из маминых рук.

А мне что остается делать? Ничего.

Я плетусь рядом с кислым лицом, пока мама с вежливой улыбкой спрашивает Бессонова о его успехах в спорте. Мы доходим до подъезда, и мама останавливается.

– Спасибо, дальше мы сами.

– А лестница? Тут же нет лифта.

– Мы на первом живем, – сообщает мама, а я хмурюсь еще больше.

Почему бы ей сразу номер квартиры ему не назвать? Или ключ от двери не выдать?

– Пока, – говорит Бессонов, и на его красивых губах играет сладкая улыбка, от которой у меня мороз по коже. – Увидимся в школе.

– Ага, – буркаю я.

Мы с мамой заходим в подъезд, поднимаемся в привычной темноте по четырем ступенькам, потом я открываю дверь квартиры, а она вносит пакеты в дом.

Ставит их на пол, разворачивается ко мне и совсем другим, жестким голосом говорит:

– И что ты забыла рядом с сынком нашей gryмзы? Еще и уроки вздумала прогуливать.

Глава 8. Утро

– Мама... – удивленно начинаю я.

– Восемнадцать лет мама! – резко перебивает меня она.

Саш, ты голову-то включай. Рано тебе с мальчиками гулять, а если уж и гулять, то с хорошими. А не с этим, прости господи. Он же тут так, погостить приехал. Грымза хвасталась, что у ее сыночка ненаглядного контракт уже подписан, так что этот петух тут ненадолго: хвостом повертит, девок попортит, а потом улетит.

– Мам, ты с ума сошла? – искренне возмущаюсь я, когда до меня доходит, что она имела в виду. – Мне этот Бессонов вообще не интересен.

– Я все сказала, – отрезает мама. – Еще раз увижу, как ты с ним шляешься, накажу.

А потом берет пакеты и идет на кухню.

– Что прогуляла? – раздается оттуда ее голос.

– Два урока русского, – тяжело вздохнув, признаюсь я.

– Экзаменационный предмет, значит. Ну молодец, что еще могу сказать? Иди решай варианты. Минимум два, а лучше три.

– А можно сначала пообедать?

– Можно. Но потом сразу за уроки. ЕГЭ на носу, а ты вдруг ерундой начала маяться. По биологии когда у вас пробник?

– Был уже. Но баллы еще не сказали.

– Когда скажут, не забудь подойти к учительнице и попросить ее разобрать с тобой ошибки.

– Хорошо, мам, – тяжело вздыхаю я.

Биологию я сдаю одна из всего класса, так же, как и химию. А все потому, что буду поступать в медицинский институт в соседнем городе. Баллов у меня вряд ли хватит для того, чтобы самой пробиться на бюджет: все же только на основе школьных уроков сложно освоить эти предметы, а на репетиторов у нас нет денег. Зато мама выбила мне целевое направление в своей больнице, а это значит, что у меня будет упрощенное поступление и гарантированное рабочее место сразу после окончания института.

Правда, и отказаться уже нельзя будет.

А я до сих пор не уверена, что хочу быть врачом...

Весь остаток дня уходит у меня на дополнительные занятия русским, а еще на домашние дела и решение задач по химии, поэтому когда наступает время ложиться спать, я настолько устаю, что просто без сил падаю на кровать. Закрываю глаза, и передо мной возникает лицо Бессонова. Острые скулы, насмешливые карие глаза, темные волосы, падающие на лоб, ямочка на щеке и твердые губы. Губы, которые пахли мятой. Губы, которые меня так грубо целовали.

«Сволочь», – бессильно думаю я. – «Какой же он козел!»

Всю ночь мне снятся какие-то душные неразборчивые сны, и почти в каждом из них появляется чертов Бессонов.

Поэтому когда рано утром меня будит резкий громкий звук, я даже с каким-то облегчением вынырываю из сна.

– Что случилось? – хрипло спрашиваю я.

Через некоторое время в коридоре появляется мама с виноватым видом.

– Прости, Саш, я крышку от кастрюли случайно уронила. Рано еще, спи дальше.

На часах половина шестого. Мамина смена с восьми, но она любит приходить пораньше, чтобы спокойно все подготовить, плюс еще время на дорогу нужно.

– Попробую, – вздыхаю я, переворачиваюсь на другой бок, но сон уже не идет. Лежу с закрытыми глазами, дожидаясь, пока за мамой хлопнет дверь, и встаю с кровати.

На плите меня ждет укрытая полотенцем кастрюля с рисовой кашей, я быстро завтракаю, подхожу к окошку и распахиваю одну створку. Шесть утра, невероятная рань, но как же хорошо на улице: так светло, так свежо, так пусто! Людей нет, зато птицы поют так, что в сердце что-то сжимается.

Весна ведь!

А я ее и не заметила, просидела все время за учебниками и тестами.

«Прогуляюсь перед школой, – вдруг решаю я. – Какой смысл дома сидеть?»

Торопливо одеваюсь, умываюсь, собираю сумку, выбегаю из дома и блаженно замираю, вдыхая майское утро каждой своей клеточкой. Каждой легочной альвеолой, если цитиро-

вать учебник биологии!

Воздух прохладный, свежий, чистый, как будто его как следует отмыли, и слабо пахнет цветущими яблонями. У нас во дворе всего одна яблоня, поэтому запах едва уловим, но я знаю, где их должно быть много! В парке через дорогу!

Я бы сказала, что это больше лес, чем парк, потому что несмотря на дорожки, там все довольно дикое и заросшее. Вечером там гулять опасно, потому что фонарей нет, а вот алкоголики наоборот есть, зато утром там должно быть спокойно.

И очень красиво!

Лучшего места, чтобы полюбоваться весной, не придумаешь.

Я выхожу из двора и шагаю в противоположном от школы направлении: прохожу мимо детского садика, где ворота еще закрыты, потом огибаю киоск с овощами и фруктами, а затем перехожу через дорогу и оказываюсь в парке. Статуи воинам-героям меня сегодня не очень интересуют, поэтому я сразу сворачиваю на тропинку, ведущую к деревьям. Там уже замедляю шаг и иду спокойно, неторопливо, слушая тишину и птиц. Прохожу мимо яблоневого аллеи, пытаюсь надышаться про запас безумным ароматом, а затем собираюсь спуститься вниз, к реке. Там небольшая старая набережная, а рядом с ней спортплощадка. Но едва я бросаю взгляд на эту площадку, как удивленно понимаю: там кто-то есть.

Кто-то в такую рань еще и тренируется!

Мне становится любопытно, я останавливаюсь и приглядываюсь: темноволосый парень в черной футболке отжимается так легко, словно у него не мышцы, а стальные пружины: раз, два, пять, десять, двадцать... Потом он встает, отряхивает ладони, и я едва не вскрикиваю от удивления.

Это Бессонов!

Он не видит меня, потому что я стою сверху, зато мне отлично видно его спокойное серьезное лицо. Он подходит к лежащему на скамейке блокноту и что-то там отмечает, а затем выпрямляется и начинает следующее упражнение. Высокие пружинящие прыжки, которые сменяются коротким интенсивным бегом, и снова прыжки. Затем он делает приседания с гантелями, которые берет со скамейки, и с ними же выпады.

А я стою и все это время смотрю на него, хотя давно могла уйти. Но меня почему-то завораживает этот совершенно незнакомый мне Бессонов. Никакой насмешки и никакого презрения в лице, никакой ленивой тягучести в движениях, только отточенная собранность и сила.

Это точно он?

Упражнения в половину седьмого утра на заброшенной спортплощадке плохо вписываются в образ зазнавшейся звезды, скорее это похоже на трудолюбивого спортсмена, который живет своим спортом.

Я начинаю смутно осознавать, что, может, Бессонов и правда хорош в этом своем футболе. Ну или как минимум

любит его. Из одного только чувства долга не будешь вставать так рано и убиваться на тренировке.

Это, конечно, нисколько не отменяет того факта, что Бессонов – избалованный придурок, но смотреть на него мне все равно интересно. Я осторожно делаю шаг еще на ступеньку ниже, чтобы лучше разглядеть его непривычно сосредоточенное лицо, но тут мне под ногу попадает ветка и издает такой внятный хруст, что Бессонов тут же быстро оглядывается, поднимает голову и удивленно присвистывает.

– Блошка! Ну нихрена себе. Нигде от тебя не спрятаться.

Я тут же вспыхиваю и быстро оправдываюсь, как будто и правда виновата:

– Я тут случайно! Просто мимо шла!

Бессонов ухмыляется:

– Ну это надо было прям постараться, чтобы случайно идти мимо именно там, где я занимаюсь. Или ты каждое утро по лесам шаришься?

– Нет! – Я начинаю злиться. – Только сегодня.

– Надо же, какое совпадение! – саркастично усмехается Бессонов, глядя на меня снизу вверх. – И после этого будешь мне заливать, что не бегаешь за мной?

– Ага, мечтай!

– Расслабься, Блошка, ты уже спалилась.

– Я просто гуляла! – повышаю я голос. – И это была отличная утренняя прогулка до тех пор, пока я тебя не встретила. Ты, как всегда, всё испортил!

Я резко поворачиваюсь, планируя уйти, потому что спорить с этим самовлюблённым идиотом бессмысленно, но тут под мою ногу неудачно попадает камень. Я поскальзываюсь на нем, взмахиваю руками, пытаюсь удержать равновесие, но все-таки падаю. Успеваю выставить руки, но при этом ударяюсь коленом прямо об жесткий край ступеньки. Это так больно, что я не удерживаюсь от вскрика и слёзы машинально брызжут из глаз.

Ну уже следующая мысль в моей голове о том, что я не должна показывать Бессонову свою слабость. Еще подумает, что я и вправду какая-нибудь влюблённая дурочка и упала только потому, что засмотрелась на него. Сжав зубы, я пытаюсь подняться, но колено простреливает острой болью, и тут вдруг меня подхватывают сзади сильные руки.

– Осторожнее, – раздается совсем близко голос Бессонова. – Хочешь падать к моим ногам, Блошка, делай это на ровной поверхности.

Черт, как он уже тут оказался? Взлетел что ли по лестнице?

– Не смешно, – цежу я сквозь зубы. – Отпусти.

– Чем ударилась? – вдруг спрашивает Бессонов на удивление нормальным тоном. Как будто мы с ним друзья.

Я медлю, но отвечаю:

– Коленом.

– Об ступеньку? Ауч. Больно?

– Ну а ты как думаешь? – не выдерживаю я. – Нет, прият-

но! Обожаю биться коленями об лестницу!

Мне сейчас невыносимо стыдно и неловко. И от того, что я так нелепо упала, вместо того чтобы красиво и эффектно уйти, и от того, что Бессонов стоит сейчас слишком близко ко мне. Его сильные ладони крепко сжимают мои плечи, и весь он, стоящий за моей спиной, такой высокий, такой разгорячённый. От него пахнет травой, железом и потом. Но почему-то это не такой противный запах, как на физкультуре от раздевалки пацанов, а наоборот – свежий, пряный, дразнящий, такой, что его почему-то хочется вдыхать ещё и ещё.

– Давай я посмотрю, – вдруг предлагает Бессонов.

– На что помотришь? – растерянно спрашиваю я.

– На цвет твоих трусиков, конечно, – ржет он, и его тёплое дыхание касается моего уха. – Да не дергайся ты. На коленку твою посмотрю, Блошка.

– А ты врач что ли?

– Я футболист, – говорит Бессонов, и на удивление, это не звучит как хвастовство. Он просто спокойно констатирует факт. – Угадай, сколько раз в жизни я видел травмированные колени?

– Много?

– Дохрена. Лечить не умею, но хотя бы смогу сказать, серьёзно там или нет.

– Не надо, – отрезаю я. – Уже все нормально. Я дойду до дома и схожу к врачу, если что.

Я пытаюсь шагнуть на ступеньку, но колено опять отдает

в ногу резкой болью, и я приглушенно вскрикиваю.

– Ага, дойдёшь, – комментирует Бессонов, опять подхватывая меня. – Только если ползти будешь. Давай посмотрю, ну какого хрена ты упрямишься? Или у тебя есть фантазия, что щас я на тебя наброшусь и поймаю прямо на этой лестнице?

– Закрой свой грязный рот! – вспыхиваю я.

– Окей, закрою, – ухмыляется он. – А ты тогда переставай нести всякую хрень. Просто, блин, уже сядь и дай мне посмотреть на свою коленку. И давай резче, у меня времени мало, я ещё тренировку не закончил.

Почему-то аргумент про тренировку убеждает меня в том, что Бессонов говорит сейчас серьезно, а не прикалывается, как обычно.

– Ладно, – бормочу я. Усаживаюсь на ступеньку, закатываю штанину и вытягиваю ногу вперёд. – Смотри.

Бессонов кивает, присаживается возле моей ноги и аккуратно касается пальцами покрасневшего участка. На фоне его смуглых рук моя кожа кажется бледной и какой-то нездоровой. Да и вообще с этого ракурса видно, что нога у меня не очень красивая. Тонкая, костлявая. Еще и колено какое-то уродское.

– Больно? – Бессонов нажимает на какой-то участок. Смутно вспоминаю устройство колена и понимаю, что он, наверное, проверяет крестообразные связки. Или мениски.

– Нет, не больно.

– А вот так?

– Тоже нет.

– Значит, норм, – заключает он. – Просто ушиб. Лёд приложи и всё. Само пройдет.

Он продолжает трогать мое колено, а я неловко ежусь. Мне кажется, будто через кончики его пальцев в меня проникает электричество, заставляющее вздрагивать все мои нервные окончания.

Боже, ну почему это так неловко?!

– Спасибо за осмотр, – сухо говорю я и торопливо одергиваю штанину, заставляя Бессонова убрать руки, все ещё лежащие на моей коленке. – Ничего нового ты мне не сказал, я сразу говорила, что все у меня в порядке.

Опираясь одной рукой на ступеньку, я неловко поднимаюсь, на этот раз не вскрикивая, но сжимая зубы. Ушибленная коленка неприятно ноет, но все равно стало лучше. Идти в целом можно.

– Подожди меня, Блошка, – распоряжается Бессонов. – Я сейчас вниз смотаюсь, гантели куда-нибудь под куст закину, чтобы их не сперли, и вернусь.

– Зачем?

– До дома тебя дотащить, – абсолютно спокойно говорит он. – А что, есть ещё какие-то предложения?

Глава 9. Немного дальше

– Я тебе мешок с картошкой что ли, чтобы меня тащить? – вспыхиваю я. – Обойдусь без твоей помощи, ясно?

– О, ну давай, – ухмыляется Бессонов. – Мне прям будет интересно на это посмотреть.

– Иди заканчивай свою тренировку, – огрызаюсь я. – А от меня отстань уже, сделай доброе дело.

Отвернувшись от него, я начинаю медленно подниматься по ступенькам.

К счастью, я на самом верху, поэтому мне приходится преодолеть лишь три подъёма, и я снова оказываюсь на парковой дорожке, изгибающейся среди деревьев.

Медленно бреду по ней, но не проходит и минуты, как меня догоняет Бессонов.

– Тебе, кажется, тренироваться надо было, – мрачно говорю я.

Меня бесит, что он видит, как я неуклюже ковыляю, стараясь не тревожить ушибленное колено.

– У меня появились более важные дела, – не моргнув глазом отвечает Бессонов. – Служба сопровождения инвалидов.

– Сам ты инвалид! – я пытаюсь стукнуть его, но он с легкостью уворачивается от моего кулачка.

– Побереги силы, Блошка, – хохочет он. – Тебе до дома еще хромать и хромать!

– Смеяться над травмой другого – это, конечно, очень весело, – сухо говорю я. – Чисто твой уровень юмора.

– Пф, – фыркает Бессонов, – ты так говоришь, как будто я ни разу не хромал. Меня с поля с последней игры фактически уносили. Один урод из Рубина в меня подкат сделал,

и нога так вывернулась, что я там матом орал от боли.

– И что было в итоге? – не удерживаюсь я от любопытства. А себя убеждаю в том, что спрашиваю исключительно как будущий врач.

– Да, фигня, – машет он рукой. – Повреждение связок голеностопа. Теперь восстанавливаюсь. Как раз к началу сезона буду в форме. В форме своей новой команды.

Бессонов ухмыляется собственному каламбуру, а я думаю о том, что я бы не сказала, что у него сейчас какие-то проблемы с ногой. Он так легко и прыгал, и выпады делал с гантелями.

Но, наверное, у спортсменов просто другие требования к себе.

Мы идем дальше, и молчание кажется таким неловким, что я не выдерживаю и зачем-то задаю Бессонову вопрос.

– У тебя своя программа тренировок?

– Ага, – небрежно отвечает он.

– А почему ты в лесу занимаешься? – ехидно спрашиваю я. – Ты, может, не в курсе, но у нас довольно развитый город. Есть и фитнес-центр, и просто тренажерные залы.

– В это время все закрыто, – пожимает он своими широкими плечами. – А у меня режим, первая тренировка всегда в шесть.

– Понятно, – бормочу я себе под нос.

Не знаю, что меня удивляет больше: то ли информация о том, что Бессонов – ранняя пташка (я была уверена, что он

дыхнет до обеда), то ли фраза о «первой» тренировке. То есть у него еще и вторая будет? Неудивительно, что он весь такой... крепкий.

Но тут мои мысли прерывает решительный голос Бессонова.

– Так, харэ, я задолбался идти со скоростью черепахи.

И сразу после этого он без всякого предупреждения хватается меня и поднимает на руки.

Я от неожиданности взвизгиваю.

– Отпусти!

– Не дёргайся, – советует Бессонов. – А то уроню. А тут камни, тебе не понравится.

– Мне понравится, если ты меня обратно поставишь на землю!

– А ты некапризная, да, Блошка? – ухмыляется он. – Тебе много не надо для счастья?

Бессонов несет меня с удивительной легкостью. Он шагает так, как будто я вообще ничего не вешу. И это...

Это сложно не заметить.

Как и горячее, терпко пахнущее плечо, к которому я прижата. И его твердые руки, которые держат меня так уверенно, так надежно...

Нет, он, конечно, придурок, который не видит вообще никаких границ.

Но я начинаю понимать тех девчонок, кто за ним бежит.

– Ты такая худая, Блошка, – замечает тем временем Бес-

сонов. Одна его рука беззастенчиво щупает мое плечо. — Кожа и кости, мышц вообще нет. На спорт забила? Только мозги наращиваешь?

— Мозги полезнее! — огрызаюсь я. — Это тебе думать не надо, пинай мячик и все.

— Сразу видно, что ты ничего не понимаешь в футболе, — покровительственно усмехается он. — Мозги на поле очень нужны, Блошка, иначе так и будешь всю жизнь посредственным игроком, никакой карьеры тебе не светит. Короче, в футболе надо думать. Но крепкая задница там тоже нужна.

Тут его ладонь как бы случайно ложится на мою ягодицу, и я дергаюсь всем телом, пытаюсь ее сбросить.

— Прекрати меня лапать, — гневно шиплю я.

— Ты единственная, кто просит прекратить, — ухмыляется Бессонов. — Обычно меня наоборот просят продолжать. Еще, Бес! Сильнее! Глубже!

Последние слова он произносит с таким пошлым придыханием, что я не выдерживаю и краснею от стыда. У него совесть вообще есть?

— Поставь. Меня. На землю! — чеканю я.

— Да ладно тебе, тут недалеко, — беспечно отзывается он.

Но мы уже дошли до ворот парка, и там несмотря на ранний час, есть люди. Я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь увидел меня на руках у местной звезды.

— Бессонов! — повышаю я голос. — Я серьезно!

— Блошка, мы же не в школе, на меня твои командирские

интонации не работают. Попроси нормально – тогда отпущу.
– Отпусти!

– По-нормальному давай, – ухмыляется Бессонов, продолжая идти со мной на руках. – И повежливее. Ты же просишь, а не требуешь.

Я панически оглядываюсь, боясь увидеть знакомые лица среди спешащих по своим делам людей. Потом делаю длинный выдох, пытаюсь успокоиться.

Ладно, от меня не убудет. Зато как минимум я буду избавлена от того, что он до самого дома будет тащить меня на руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.